

Комсомолец приехал
г. Москва

29 ИЮН 1984

ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

«ПАВЕЛ, БРАТИШКА...»

ПЫШНЫЕ темно-каштановые волосы были зачесаны вверх и волной спадали на левую сторону. Темные брови почти срослись у переносицы, глубоко посаженные карие глаза подчеркивали бледность лица. Таким впервые увидела Островского Раиса Порфирьевна. За десять лет, прожитых вместе, болезнь изменила родное лицо. Но в памяти ее, жены, друга, соратника, он остался тем же. Может, потому, что наперекор судьбе не сломался его горячий и сильный характер.

...На журнальном столике большой фотоальбом. Первые снимки сюда вклеил Коля, Николай Островский. Страница сменяет страницу. На них дорогие сердцу Раисы Порфирьевны люди. Уголки губ, вздрагнув, приподнимаются: она улыбается далеким, трудным, счастливым дням своей юности.

Через всю жизнь пронесла она верность Островскому. В 1938 году ей поручили организовать Музей-квартиру Н. Островского. Двадцать три года проработала Раиса Порфирьевна директором музея. В годы войны не раз выезжала на фронт, выступала перед бойцами, рассказывала о Николае.

— Каким он был?

День за днем отвечает она на этот вопрос в письмах, на встречах с комсомольцами и их сверстниками из-за рубежа. Воспитанию молодежи на примере Островского, комсомольцев двадцатых — тридцатых годов посвящает она и сегодня все свое время.

7 ноября 1926 года. Преодолевая боль, Островский вышел на праздничную демонстрацию. Вот показалась колонна молодых рабочих цементного завода. Взлетела песня. Лицо его оживилось. Он не выдержал и звонким высоким тенорком закричал:

— Да здравствует девятая годовщина Октябрьской революции! Да здравствует Ленинский комсомол! Ура!!!

— Ур-а-а-а! — подхватили комсомольцы.

Веселая песня плыла над морем голов вместе со знаменами.

— Это сама жизнь поет, — сказал Островский, улыбнувшись.

Он терпеть не мог обывателей. «Вокруг меня ходят крепкие, как волны, люди, но с холодной, как у рыб, кровью, сонные, безразличные, скучные и размагниченные, — писал как-то Островский. — От их речей веет плесенью, и я их ненавижу, не могу понять, как здоровый человек может «скушать» в такой напряженный период.

Я никогда не жил такой жизнью и не буду жить».

В четырнадцать лет Коля Островский выполнял поручения подпольной организации большевиков, в пятнадцать — бесстрашно сражался в Красной Армии. Именно его Шепетовский окружком комсомола направил в пограничные организации комсомольскую ячейку. «Обыкновенно садились по

Берездовского райпарткома. Он сидит крайним слева. Больная нога уже не сгибается в колене, видно, что сидеть ему трудно, поэтому правой рукой он облокотился на стул. На поясе браунинг.

Через год он снова сфотографируется. На этот раз для партийного билета. Островский стал коммунистом в год смерти Ленина. «Быть членом Великой Партии — заветная мечта каждого молодого человека нашей страны», — с гордостью говорил он делегатам IX съезда комсомола Украины и до конца жизни старался не уронить звание коммуниста.

«Собираясь к Островскому, я хотел влить в него бодрость, эликсир жизни, — признался Раисе Порфирьевне один из посетителей. — А получилось иначе. Не я это сделал, а он — он мне влил этот эликсир. И вот теперь мне кажется, что я смогу свернуть горы...»

Все чаще болезнь давала о себе знать, и Островский спешил. Спешил рассказать о своем поколении, о том, как закалялось оно в огне.

Островский решительно отрицал, что он и Павка Корчагин одно и то же лицо. И все же среди писем, приходивших в его дом, многие начинались со слов: «Павел, братишка...» Есть в семейном архиве и «треугольники», написанные за несколько часов до смертельного боя с фашистами. Посетив сочинский музей, Юрий Гагарин записал в книге отзывов: «Таких людей — народ не забывает. Жизнь Николая Островского всегда будет ярким маяком для нашей молодежи».

В этом году Николаю Островскому исполнилось бы восемьдесят лет.

М. МОРГУН.

